

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ И ТРАКТОВКИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА (на материале энецкого языка)¹

О. В. Ханина

(Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка)

А. Б. Шлуйинский

(Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка,
Институт языкоznания РАН)

Энечкий язык относится к северо-самодийской группе уральских языков и имеет два диалекта — лесной и тундровый. В настоящее время оба диалекта не используются в ежедневном общении, суммарное число носителей разного уровня компетенции не превосходит нескольких десятков, причем все носители старше 45 лет. Материал к настоящему исследованию был собран в г. Дудинка и пос. Потапово (март-апрель и август 2008 г.) и в пос. Воронцово (июль-август 2008 г.) Таймырского муниципального района и включает в себя (1) список из 260 слов, собранный специально для фонетико-фонологических целей в обоих диалектах от 17 носителей разного уровня компетенции, (2) около 14 часов аннотированных спонтанных текстов на обоих диалектах.

В настоящем сообщении мы рассматриваем проблему описания вариативности в фонологии. Наш полевой материал показывает высокую степень вариативности, касающейся фонемного состава морфем и фонетической реализации фонем. При этом лингвистический анализ соответствующего материала — в том числе и в области принятия ре-

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Документация энечского языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями» при финансовой поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» («Endangered Languages Documentation Programme», ELDP) при Институте Азии и Африки Лондонского университета.

шения о фонетическом vs. фонологическом статусе вариативности — часто неочевиден. Сравнение с фонетической системой, зафиксированной в литературе на материале языка предыдущих поколений, еще больше увеличивает количество реальных произносительных вариантов и их потенциальных фонологических трактовок (ср. Castrén 1854 для первой половины XIX в., Прокофьев 1937 для первой половины XX в., Терещенко 1966, Сусеков 1977, Глухий 1977а, Сорокина, Болина 2005, Хелимский, рукопись для второй половины XX в.).

Подобная диахроническая вариативность может объясняться следующими факторами:

(а) забывание языка современными носителями и в связи с этим случайное фиксирование нами разных произносительных вариантов, за которыми не стоит никакая цельная фонологическая система,

(б) неразличение или несистемное фиксирование предыдущими исследователями близких звуков, которое приводит к видимости вариативности по сравнению с настоящим состоянием языка,

(в) реальные языковые изменения, произошедшие в языке последнего поколения носителей и приведшие к современной фонетической вариативности,

(г) наличие стабильной во времени фонетической вариативности, фиксированной разными исследователями в различной степени, но не менявшейся как таковой или менявшейся в незначительной степени.

В то время как первые два возможных объяснения не предполагают наличия системы, которую можно и нужно описывать, вторые два ставят вопрос о том, почему такая синхронная вариативность в принципе возможна (вариант (в) — имеется в виду срез последнего поколения, вариант (г) — срез последних 200 лет). В социолингвистической литературе отмечались два потенциальных фактора, которые могут быть причиной высокой синхронной вариативности; оба этих фактора применимы к энечкому языку. С одной стороны, высокая вариативность характерна для языков, находящихся на грани исчезновения (см. Campbell & Muntzel 1989, Connell 2002 и Dorian 1994), а с другой стороны, она встречается и в языках, обслуживающих малые/компактные этнические группы, даже когда сами эти языки не находятся на грани языкового сдвига (см. Connell 2002 и цитируемую там литературу). Неочевидно, какой из этих двух факторов мог оказаться наибольшее влияние на вариативность в энечкой фонологии, которую мы наблюдаем сегодня.

В целом, наша работа с современными данными и внимательное изучение имеющейся литературы ставят под сомнение возможность большого вклада несистемных факторов (а)–(б). Таким образом, основной задачей становится, во-первых, доскональное описание наблюданной вариативности и, во-вторых, ее приблизительная датировка в масштабах последних двухсот лет. В настоящем докладе мы показываем, как эта задача решается нами на примере конкретных фрагментов энечской фонологической системы, связанных с фонологической или фонетической вариативностью.

1. Вариативность гласных фонем заднего ряда. В наиболее ранних описаниях энечского языка (Castrén 1854, Прокофьев 1937) содержатся сведения только о двух огубленных гласных фонемах заднего ряда — /ɔ/ и /u/, хотя и указывается на существование примеров вариативности между ними (Castrén 1854:60). В более поздних исследованиях (Терещенко 1966, Сусеков 1977 для лесного энечского, Хелимский, рукопись для тундрового энечского) есть указания на трехчленную систему огубленных задних гласных /ɔ/ — /o/ — /u/ в энечском языке 1960—1970-х гг., хотя часть источников (Лабанаускас 2002, Сорокина, Болина 2001, 2005, 2009) все же указывают для обоих диалектов на наличие двух фонем /ɔ/ и /u/ и вариативность между ними в ряде слов. Авторы, вводящие трехчленное противопоставление, записывают через /o/ часть слов, ранее зафиксированных с /ɔ/. Отметим, что не наблюдается очевидного соответствия между /o/-словами в источниках по лесному и по тундровому диалекту. Современные данные по лесному энечскому показывают, что в этом диалекте представлены три класса слов: слова с фонемой /u/, которые всегда произносятся с [u] (например, /muzu/ [muzu] ‘печень’); слова с фонемой /ɔ/, которые всегда произносятся с [ɔ] (например, /kɔza/ [koza] ‘ноготь’); слова, условно записываемые с фонемой /o/, которые имеют свободные произносительные варианты с [o], [u] и [ɔ] (например, /moga/ [moga], [moga], [muga] ‘лес’). Вариативность в реализации /o/-слов в целом подтверждается и измерениями акустических характеристик гласных, и перцептивными экспериментами. Современные данные по тундровому энечскому показывают, что слова, ранее зафиксированные с /o/, в настоящее время, как правило, произносятся с [u] (например, /kوبا/ (Хелимский, рукопись) vs. [kuva] (современные данные) ‘шкура’), хотя для некоторых из них зафиксированы маргинальные произнесения с

[o] (например, /oka/ (*ibid.*) vs. [uka], [oka] (современные данные) ‘много’). Как и в лесном диалекте, в тундровом диалекте имеются примеры вариативности [ɔ] ~ [u], однако пока неясно, составляют ли эти случаи отдельный класс слов, как в лесном диалекте, или же любые [ɔ] и [u] могут чередоваться друг с другом.

Как можно видеть, несмотря на то, что диалекты дают разную картину по задним гласным, в обоих случаях неочевидна фонологическая трактовка имеющихся данных. Например, современные слова лесного диалекта, записываемые сейчас с /o/, могут анализироваться как содержащие особую фонему /o/ или как имеющие вариативность фонем /ɔ/ — /u/. Одним из возможных способов выбрать наиболее адекватный анализ является изучение акустических характеристик этих слов, а именно измерение первых трех формант рассматриваемого гласного в /u/-словах, /ɔ/-словах и так называемых /o/-словах. Если значения формант /o/ кластеризуются в отдельную группу, не смешиваемую со значениями формант /u/ и /ɔ/ и не выводимую из них, скажем, как среднее арифметическое, то это может быть довольно сильным аргументом за выделение /o/ как отдельной фонемы. Также крайне важным является поиск минимальных пар, которые различали бы /u/ и /ɔ/ vs. /o/. Такими способами мы предлагаем решать задачу досконального описания наблюданной системы. Что касается датировки ее возникновения: в нынешнем поколении говорящих, в предыдущем, или еще раньше, то здесь может помочь анализ старых аудиозаписей, отражающих речь предыдущего поколения, благо таковые для энечского языка имеются. Внимательное прослушивание и акустический анализ формант гласных, соответствующим современным /u/, /ɔ/ и /o/ в записях, послуживших основой для опубликованных текстов (Сорокина, Болина 2005) и (Лабанаускас 2002)², позволит определить, с одной стороны, насколько системно передает орфография этих источников реальные звуковые противопоставления, а с другой стороны, позволит независимо описать фонологическую систему предыдущего поколения (для этой цели мы также используем аудиозаписи, не публиковавшиеся ранее³).

² Мы благодарим И. П. Сорокину, Д. С. Болину, а также Таймырский дом народного творчества, где хранится архив К. И. Лабанаускаса, за предоставление нам копий этих записей.

³ Мы благодарны Д. С. Болиной, О. Э. Добжанской, И. П. Сорокиной, А. Ю. Урманчиевой (архив Е. А. Хелимского), а также Дудинскому отде-

Подобные методологические приемы используются и для описания других фрагментов, связанных с фонологической или фонетической вариативностью. Ниже перечисляются те из них, которые будут затронуты в докладе.

2. Вариативность, связанная с падением конечных гласных. В лесном диалекте представлена широкая группа слов, которые могут быть произнесены с конечным гласным или без него, например, /nadu/ [nat], [nad], [nadu] ‘рог’. Большая часть таких слов оканчиваются на гласный заднего ряда, но представлены и примеры других факультативных конечных гласных, ср. /busi/ [busi], [bus] ‘старик, муж’. Стабильность или нестабильность конечного гласного определяется лексически: помимо группы слов с регулярным падением конечного гласного, в лесном энецком представлена и значительная группа слов, для которых не засвидетельствованы произнесения без конечного гласного, ср. /эdu/ [эdu] ‘лодка’ (не зафиксировано [эd] или [эт]). Распределение лексем между данными двумя группами не получает объяснения исходя из семантического класса слова или исходя из его фонетической структуры. Данная вариативность не обсуждалась в литературе, хотя исходя из данных (Сорокина, Болина 2005) можно видеть, что она уже была представлена в лесном диалекте 1960—1970-х гг.

3. Вариативность передних гласных e ~ i. В лесном диалекте наблюдается широкая вариативность между гласными [e] и [i] в непервых слогах, например, /kari/ [kari], [kare] ‘рыба’, /təni/ [təne], [təpi] ‘иметься.3SG.’, /sanik/ [sanik], [sanek] ‘чайка’, а также маргинальные случаи такой вариативности в первом слоге, например /pehi/ [pehi(?)], [pixi(?)] ‘три’. В существенно меньшем количестве вариативность между [e] и [i] в непервых слогах наблюдается также и в тундровом диалекте. Данная вариативность не отмечалась в литературе, хотя для многих слов этого типа зафиксированы и написания с /e/, и написания с /i/.

4. Вариативность гласных a ~ ɔ. В лесном диалекте представлена группа слов с вариативностью между гласными [a] и [ɔ]: /badu/ [badu], [bədu] ‘тундра’, /mazu/- [mazu], [məzu] ‘лаять’, /dəxə/ [dəxə], [dəxɔ] ‘река’. Данная вариативность также не отмечалась в литературе, при-

лению ВГТРК, Кафедре языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета (архив Я. Я. Глухого и В. А. Сусекова) и Таймырскому дому народного творчества (архив К. И. Лабанаускаса) за предоставление нам копий этих уникальных записей.

чем все современные варьирующие гласные такого рода в предшествующих источниках записываются как /a/, но неверно, что вариативность [a] и [ɔ] возникает на месте любого исконного /a/, ср. /baru/ ‘край’ (не зафиксировано произнесения [бəру] или [бɔр]).

5. Вариативность, связанная с геминацией согласных. В обоих диалектах представлены широко отмечавшиеся в литературе (Castrén 1854: 66—67, Прокофьев 1937, Терещенко 1966: 440) случаи интервокальной геминации согласных, ср. /ədu/ [əddu] ‘лодка’. Никто из указанных авторов не делает прямого утверждения о фонологическом статусе геминации, однако, по-видимому, он подразумевается, исходя из способа представления энецкого материала. Данные (Хелимский, рукопись и Лабанаускаса 2002), напротив, имплицитно показывают, что данные исследователи не считали интервокальную геминацию фонологически значимой.

6. Вариативность реализации гортанной фонемы /?/. Фонема /?/ имеет в обоих диалектах высокую вариативность в способе реализации. Она может реализовываться: собственно как [?] с факультативной глоттализацией предшествующего гласного: лесн. /mɛ?/ [mɛ?], [mɛ?] ‘чум’; только глоттализацией предшествующего гласного: /bi?/ [bi] ‘вода’; нулем /bi?/ [bi] ‘вода’; как [?] с частичной метатезой с предшествующим гласным и его факультативной глоттализацией: лесн. /mɛ?/ [mɛ?e], [mɛ?ɛ] ‘чум’. В литературе отмечалась только возможность «упущения» /?/ (более того, в Глухий 1977б делается утверждение о том, что реализация /?/ в виде глоттализации соседнего гласного в энецком языке отсутствует).

7. Вариативность в реализации межзубных фонем /z/ и /s/. В обоих диалектах в их современном состоянии зубные фрикативные фонемы могут реализовываться как межзубные [θ] и [ð] или как зубные [s] и [z]. Зубные варианты могут рассматриваться как русифицированные, но время появления каждого из них в энецкой фонетике неочевидно. В (Терещенко 1966:440) фонема /z/ фонетически характеризуется как [ð], тогда как /s/ — как [s]. В (Глухий 1977а:72-84) обе фонемы описываются как межзубные.

8. Вариативность в реализации палатализованных фонем /tʃ/ и /dʒ/. Современные данные показывают, что фонема /dʒ/ может реализовываться как палатализованный согласный [dʒ], как постальвеолярный, близкий к палatalному [j] либо как аффриката [dʒ]. Для фонемы /tʃ/ аффрикованный вариант [tʃ] является основным, но наряду с ним возможен также палатализованный согласный [tj]. В данном случае

также неясен возраст данной вариативности; фонема /d/ (наряду с /n/ и /l/) описывается в литературе как палатальный согласный, а для /tʃ/ аффрицированный вариант описывается как основной уже на материале 1960—1970-х гг.

Литература

- Campbell L., Muntzel M. C. 1989. The structural consequences of language death // Dorian N. C. (ed.) *Investigating Obsolescence. Studies in Language Contraction and Death*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 181—196.
- Castrén M. A. 1854. *Grammatik der samojesischen Sprachen*. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.
- Connell B. 2002. Phonetic/phonological variation in language contraction // *International Journal of the Sociology of Language* 157. P. 167—185.
- Dorian N. C. 1994. Varieties of variation in a very small place: social homogeneity, prestige norms, and linguistic variation // *Language* 70(4). P. 631—696.
- Глухий Я. А. 1977а. Консонантизм энецкого языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск.
- Глухий Я. А. 1977б. Реализация гортанной фонемы в энецком языке (диалект бай) // Беккер Э. Г. и др. (ред.). *Языки и топонимия*. Вып. 5. Томск: ТГПИ. С. 27—33.
- Лабанаускас К. И. 2002. *Родное слово: энецкие песни, сказки, исторические предания, традиционные рассказы, мифы*. СПб.: Просвещение.
- Прокофьев Г. Н. 1937. Энецкий (енисейско-самоедский диалект) // Прокофьев Г. Н. (ред.). *Языки и письменность народов Севера*. Т. 1. М.—Л.: Учпедгиз. С. 75—90.
- Сорокина И. П., Болина Д. С. 2001. *Словарь энецко-русский и русско-энецкий*. СПб.: Просвещение.
- Сорокина И. П., Болина Д. С. 2005. Энецкие тексты. СПб.: Наука.
- Сорокина И. П., Болина Д. С. 2009. Энецкий словарь. СПб: Нестор-История.
- Сусеков В. А. 1977. *Вокализм энецкого языка*. Дисс. ... канд. филол. наук. Л.
- Терещенко Н. М. 1966. Энецкий язык // Лыткин В. И., Майтинская К. Е. (ред.). *Языки народов СССР*. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука. С. 438—457.
- Хелимский Е. А. Рукопись. *Материалы к словарю энецкого языка*.
<http://helimski.com>.

СБОР ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В УСЛОВИЯХ РАБОТЫ С ВЫМИРАЮЩИМ ЯЗЫКОМ (на примере водского языка)

Хейнике Хейнсоо

(Тартуский университет)

1. Методы сбора

1. Ведение опроса: беседа. В случае первого контакта с информантом начинается со знакомства. Поскольку со всеми водскими информантами контакт уже установлен, то беседа начинается с обсуждения прошедшего года, новостей, вопросов здоровья. Аудиозапись начинается с самого начала беседы. Жанр текста: диалог.

2. Традиционный метод опроса: тематический.
Может успешно использоваться начинающими исследователями, особенно если информант разговорчивый, а тема опроса выбрана удачно.

Этот метод часто использовался в 1960—1980 годах, например, Сельскохозяйственная лексика (Heinsoo 1978, Tammsalu 1965), мужские столярные работы (Hüva 1962), женские работы (Ilves 1960), пейзажная лексика (Tuhkanen 1961), мореплавательная лексика (Viitso 1961), рыболовная лексика (Majorgova 1962), работа сапожника (Viikberg 1976), ботаническая лексика (Karring 1982), водские собственные имена (Saar 2000).

В результате тематических опросов в Тартуском университете были написаны курсовые и дипломные работы.

3. Анкетирование.

Анкетирование проводилось не совсем традиционным образом, поскольку носители языка не имели возможности заполнять анкеты самостоятельно (из-за отсутствия письменного водского языка). Поэтому ответы информантов вносились в анкеты исследователем. В редких случаях наиболее способные носители водского языка записывали свои ответы самостоятельно, используя стихийную транскрипцию на основе кириллицы или латиницы (последнее было возможно, если информант обладал каким-либо знанием эстонского языка).